

Научная статья

УДК 321.01

doi: 10.17223/1998863X/84/19

ГЛОБАЛЬНЫЙ ПОВОРОТ ОТ НЕОЛИБЕРАЛЬНОЙ К ПОСТНЕОЛИБЕРАЛЬНОЙ ПРАВИТЕЛЬНОСТИ И КОНТУРЫ НОВОЙ НОРМАЛЬНОСТИ

Павел Игоревич Костогрызов

*Институт философии и права Уральского отделения РАН, Екатеринбург, Россия,
pkostogryzov@yandex.ru*

Аннотация. Предпринята попытка осмысления глобальных изменений в политике и государственном управлении, произошедших в последние десятилетия и обычно обозначаемых термином «новая нормальность». Проанализированы основные изменения в практиках правительности, наметившиеся в XXI в. и связанные с отходом от неолиберальной модели управления государством и экономикой. Выявлены основные черты формирующейся новой модели; дан обзор существующих в науке подходов к ее концептуализации.

Ключевые слова: Фуко, правительность, неолиберализм, постнеолиберальная правительность, новая нормальность

Для цитирования: Костогрызов П.И. Глобальный поворот от неолиберальной к постнеолиберальной правительности и контуры новой нормальности // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2025. № 84. С. 236–246. doi: 10.17223/1998863X/84/19

Original article

GLOBAL TURN FROM NEOLIBERAL TO POST-NEOLIBERAL GOVERNMENTALITY AND CONTOURS OF THE NEW NORMAL

Pavel I. Kostogryzov

*Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
Yekaterinburg, Russian Federation, pkostogryzov@yandex.ru*

Abstract. The article discusses global changes in the practices and ideology of governmentality following the recession of the neoliberal “wave”. Characteristic features of post-neoliberal governmentality are identified: the rejection of economic priorities; the continuation of the previously outlined line of depoliticising citizens; de-legalisation, i.e. the displacement of legal norms by “technical” regulation; globality; the strengthening of biopower. The techniques of governmentality, which seeks to take control not only of people’s bodies but also of their thoughts and emotions, are being perfected. An important innovation is the gradual transformation of civil society into a means of disciplining the population. The state, too, has not stopped inventing new technologies of exclusion, whose development was stimulated by the emergency regime of the pandemic era. The new normal is characterised by the state machine’s perception of every individual as a potential source of danger. The approaches to conceptualising post-neoliberal governmentality proposed by various political theorists are considered. The author considers the concept of depoliticisation of the citizen and policisation of the state proposed by Agamben and developed by his followers, including Russian ones, as the most promising for interpreting the new normal. Using Agamben’s metaphor of destituent power, the author argues that the world is witnessing an increasingly explicit removal of the supreme power from fundamental political decision-making by the state apparatus. Destituent power is a manifestation of the power of

the state machinery, which makes the state of emergency the new norm and deprives the sovereign of real authority, i.e. dismantles supreme power itself. As a result, the ruling bureaucracy is in fact usurping sovereignty, which the author sees as a very dangerous trend, fraught with a new totalitarianism. The final part of the article examines the alternatives offered by political science to the global triumph of post-neoliberal governmentality, and the author concludes that none of the theorists has so far managed to formulate a convincing and realistic programme for getting out of the negative scenario of global political development.

Keywords: Foucault, governmentality, neoliberalism, post-neoliberal governmentality, new normal

For citation: Kostogryzov, P.I. (2025) Global turn from neoliberal to post-neoliberal governmentality and contours of the new normal. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 84. pp. 236–246. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/84/19

Понятие правительности ввел Мишель Фуко [1]; он же положил начало изучению неолиберализма не только как политэкономической теории, но и как особого типа правительности, обладающего собственной политической рациональностью и репертуаром практик управления [2]. За прошедшие с тех пор почти полвека неолиберализм успел достичь расцвета и стать господствующим политическим дискурсом, а затем начал постепенно терять влияние, уступая место другим политическим идеям и методам управления. В данной статье предпринята попытка осмысления произошедших в последние десятилетия изменений.

XX в. стал временем массивированной экспансии государства в такие области, которые традиционно относились к сфере частной жизни и гражданского общества. Это по-разному проявилось в таких феноменах, как социальное государство, государство всеобщего благосостояния, не говоря уже о социалистическом или тоталитарном государстве. Неолиберальная политика означала некоторый «откат» этого процесса, который, однако, привел не к восстановлению прежней конфигурации отношений государство–общество, а к складыванию новой. Поскольку неолиберализм представляет собой идеологию подчинения политики экономическим целям и интересам, экономическая эффективность стала единственным мерилем успешности деятельности государства. Поэтому и отступление последнего происходило главным образом по линии управления экономикой: правительства стали отказываться от прямого вмешательства в нее, а также снижать свою вовлеченность в социальную сферу и иные высокочрезвычайные области. Процесс денационализации в определенной степени затронул даже такую чувствительную для власти сферу, как безопасность: неолиберальные реформы везде сопровождались распространением частных охранных агентств. Крайней формой «приватизации» силовой функции государства стал парамилитаризм – феномен, характерный для некоторых стран «третьего мира».

Государственное управление в неолиберальной парадигме понималось не как политическая, а как техническая задача – дело экспертов-технократов, привлекаемых на руководящие должности не электоральным путем, а посредством конкурсов и иных процедур, свойственных скорее частно-корпоративному, нежели публичному администрированию. В результате государство становилось все более похожим на коммерческую корпорацию, а фигура политического деятеля вытеснялась фигурой менеджера.

Главным социальным и даже антропологическим следствием «неолиберальной волны» стала трансформация человека общества позднего модерна из homo politicus в одномерного homo oeconomicus – производителя и потребителя материальных благ. Эта тенденция продолжила обозначенную Фуко линию на дисциплинирование гражданина государством, средством и формой которого и выступает правительность. В 1970–1990-е гг. мир пережил фазу максимального подъема «неолиберальной волны», которая в начале нового тысячелетия сменилась нарастающей секьюритизацией, достигшей апогея в период пандемии COVID-19. Государство постепенно наращивает контроль над всеми сферами жизни, как экономической, так и частной – на этот раз под лозунгом безопасности (а не всеобщего благосостояния, как раньше). Сначала для этого использовалась угроза терроризма, потом пандемия. Враг тем опаснее, чем он менее очевиден; с этой точки зрения идеальный враг – невидимый: он нигде – и повсюду, он есть – и его нет, о нем ничего неизвестно точно – и поэтому ему можно приписать любые свойства.

Таким образом, мы стали свидетелями смены парадигм в политике и государственном управлении (различие между самими этими понятиями постепенно стирается, по крайней мере, в глазах правящих элит): на смену неолиберальной правительности приходит постнеолиберальная.

Термин «постнеолиберальная правительность» не претендует на концептуальность. Как и большинство словесных конструкций с приставкой «пост-», он просто акцентирует внимание на том факте, что на смену старой, уже привычной и хорошо изученной модели (в данном случае – неолиберальной) приходит новая, какая именно – еще не вполне ясно. Она, вероятно, получит свое имя, когда ее «лицо» вполне определится, пока же важно зафиксировать сам факт смены политических парадигм и отметить уже выявившиеся отличия новой от той, которой она идет на смену.

Есть все основания принимать за точку отсчета истории постнеолиберальной правительности осевое событие первого года нового тысячелетия – печально знаменитую террористическую атаку на США 11 сентября 2001 г. Последовавшая за ней «война с терроризмом» обозначила контуры «новой нормальности»: элементы режима чрезвычайного положения, действующие неопределенно долго, ограничения прав человека, оправдываемые требованиями безопасности, и т.д. Тенденция, заданная мировым гегемоном, была подхвачена странами периферии и полупериферии мир-системы. Ограничения политических прав в России, «войны против наркотиков», развернувшиеся в Мексике, Индонезии, Таиланде, на Филиппинах, стали ее продолжением и развитием. Как это обычно бывает, именно в странах «третьего мира» новые политические практики приобрели особенно brutальные формы.

Самой впечатляющей манифестацией постнеолиберальной правительности, когда ее черты проявились с наибольшей ясностью и географическим охватом, стал глобальный режим «санитарного концлагеря», введенный в период пандемии COVID-19. Эксперимент показал высокую степень управляемости «глобального человечника» [3. С. 90–91] и готовность большинства населения планеты играть по новым правилам, диктуемым политическим менеджментом, какими бы абсурдными и противоречащими основополагающим принципам права они ни были.

Итак, за более чем два десятилетия становления новой административно-политической парадигмы достаточно четко обозначились некоторые ее характерные черты, которые мы попытаемся здесь суммировать.

Отход от экономических приоритетов: если неолиберализм руководствовался рыночной логикой прибылей и издержек, то для постнеолиберализма чисто экономические цели по-видимому отошли на второй план: принимаемые политические шаги разрушительны для экономики, мировой рынок сворачивается, совокупный объем производства и прибыли большинства компаний падают, потребительские возможности населения драматически сокращаются. Значит экономическая эффективность больше не является основным принципом.

Линия на деполитизацию гражданства не только продолжается, но и усиливается, стирая границы между приватным и публичным пространством, и даже между политическим и физическим телом индивида [4; 5. С. 70–85]. Если неолиберализм подчеркнуто придерживался правовых рамок (по крайней мере, в странах «первого мира»), то постнеолиберальная правительственность предполагает открытый переход к режиму чрезвычайного положения, который становится практически постоянным и входит в норму (что, собственно, и понимается под «новой нормальностью»).

Это, в свою очередь, ведет к **делегализации:** постепенное вытеснение правового регулирования «техническими» нормами (регламентами) ведет к «формированию принципиально новой, синкретической системы социальной регуляции, основанной на праве и этике, но в действительности подменяющей собой и то, и другое» [6. С. 179]. Интересно, что такой путь развития нормативной системы общества еще в 20-е гг. XX в. предсказали коммунистические теоретики права, в частности Е. Пашуканис. В соответствии с марксистской теорией по мере продвижения общества к коммунизму государство отомрет, вместе с ним исчезнет и право, а что же придет ему на смену? – спрашивали они. И отвечали: социально-технические нормы [7. С. 198–235]. Парадоксальным образом сегодня капиталистический мир воплощает в жизнь мрачноватые утопии большевистских «правовиков». Ученые-юристы констатируют деградацию [8. С. 123–137] и даже демонтаж [9. С. 100–104] правового государства.

Глобальность: новые меры или административные режимы вводятся во всем мире одновременно (самый наглядный пример – пандемия COVID-19) или в короткий по меркам предшествующей истории срок. Распад экономических, культурных, научных и иных связей, снижение уровня глобализации, достигнутого к концу второго десятилетия XXI в., этому нисколько не препятствует. Практики администрирования человеческих тел, выработанные в одних странах, заимствуются другими и быстро внедряются в общемировом масштабе, причем видимый антагонизм политических режимов и враждебные отношения между государствами нисколько этому не препятствуют. Так, система кюар-кодов для пересечения невидимых, но вполне определенных границ в пределах населенного пункта, отработанная в Синьцзян-Уйгурском автономном районе КНР, в период пандемии новой коронавирусной инфекции была имплементирована многими странами мира, причем в первых рядах оказались государства, имевшие репутацию бастионов прав человека и светочей демократии. Мир поверх политических и идеологических антагонизмов становится все более однороден в своем пугающем сходстве с электронным концлагерем.

Увеличивается значение **биовласти**: биологические функции человеческого организма подвергаются все более плотной и непосредственной регламентации со стороны государства, чья биополитика приобретает трансформантропный характер [10]. Переход к постнеолиберальной правительности с новой силой обнажил основное ценностное противоречие модерна – между свободой и рациональностью [11. С. 124–138]. В биополитике эпохи пандемии оно проявилось с особой наглядностью: правительства, вводившие небывалые ограничения свободы передвижения, мотивируя их интересами безопасности, воплощали рациональность, «иррациональные» ковид-диссиденты – свободу.

Приемы правительности усовершенствуются не только в техническом отношении. Не менее существенное новшество состоит в усилении их интроспективности. Если применительно к дисциплинарным обществам и обществам контроля речь шла о биополитике как управлении телами, то теперь есть основания говорить уже о психополитике – управлении содержимым сознания и регулировании мыслительных актов людей, а также сферы эмоций. Теперь «власть выражает себя как контроль, полностью охватывающий тела и сознание людей и одновременно распространяющийся на всю совокупность социальных отношений» [12. С. 37].

Что немаловажно, дисциплинирование людей осуществляется в значительной мере силами самого общества. Подготовленные предыдущими этапами, вышколенные люди готовы с энтузиазмом дисциплинировать друг друга согласно формируемой властью имущими повестке. «Слежка, донос, шпионство и, наконец, террор, на чем единственно и держится тоталитаризм, стали здесь частью общественного сознания, т.е. общество вытеснило государство, перенеся у него функцию контроля, и если вы инакомыслящий, то ближние ваши покончат с вами до того, как за вас возьмется полиция, и делают они это не из подлости, низости, зависти, корысти и как бы это ни называлось, а по убеждению» [13. С. 214]. Появились новые формы дискриминации, создаваемые не только государством посредством нормативных или административных актов, как это было раньше, а самим обществом – такие, например, как «культура отмены», применяемая избирательно в отношении отдельных диссидентов, пытающихся идти вразрез с диктуемыми системой регулятивными идеями. Гражданское общество, всегда рассматривавшееся политической теорией как оплот свободы и гарантия от тиранических и тоталитарных популизмов государства, теперь оказывается приспособлено для целей правительности, которая в своем постнеолиберальном варианте достигает нового уровня совершенства: управляющий сигнал воспринимается непосредственно управляемым объектом (населением), без необходимости затрат на передаточный механизм, в роли которого в неолиберальной модели выступали государственный аппарат, политические организации, в частности партии, различные негосударственные акторы, имеющие рычаги влияния на общество – от финансовых и промышленных корпораций до парамилитарных групп.

Государство, впрочем, тоже не перестает изобретать новые технологии исключения, характерным примером которых стали введенные в период санитарных рестрикций ограничения прав по признаку отсутствия прививки, распространившиеся уже на гораздо более многочисленную категорию насе-

ления. В этом проявляется характерное для новой нормальности восприятие государственной машиной любого индивида как потенциального источника опасности, своего рода презумпция – еще не виновности, но уже подозрительности. Эпоха пандемии придала завершенность этому отношению: человек берется под подозрение сразу в двух аспектах – телесном и когнитивном – как потенциальный носитель инфекции и нежелательных идей – и попадает одновременно под биополитический и психополитический контроль.

Попытки научного осмысления новой модели правительности предпринимаются многими политологами и философами [14, 15]. Одни теоретики развивают линию рассуждений Ж. Делёза, который, отталкиваясь от идеи М. Фуко о дисциплинарной власти как основном типе правительности эпохи модерна, разрабатывал концепцию общества контроля, сменившего дисциплинарное общество с приходом неолиберализма [16. С. 225–232]. По мнению А. Эренберга, постнеолиберальной эпохе соответствует уже общество достижений, члены которого стимулируются в нужном направлении не негативно – угрозами, наказаниями и контролем – а позитивно, за счет стремления достигать идеальных, но по сути навязанных извне целей [17]. Правительность, таким образом, становится менее демонстративной и навязчивой и более интроспективной, проникая внутрь субъекта, захватывая его мотивационную сферу. С этими утверждениями можно согласиться, но лишь с оговоркой, что методы контроля, достигшие совершенства на предыдущем этапе, тоже не исключаются из арсенала правительности, а продолжают применяться, причем с возрастающей эффективностью. Возможно, это объясняется особенностями переходного периода, когда контуры постнеолиберальной правительности еще не вполне определились. Вообще, выдвижение на первый план новых приемов правительности не означает отказа от старых, выработанных на более ранних этапах.

Другие ученые видят в новой нормальности «постдемократию» [18], «надзорный капитализм» и даже цифровой тоталитаризм [19]. Некоторые авторы считают одной из характеристик постнеолиберализма рост популизма как реакцию на неолиберальную правительность и способ реполитизации граждан, возвращения на сцену *homo politicus*, ранее вытесненного на периферию общественной жизни, центральную роль в которой неолиберализм отводил *homo oeconomicus* [20. С. 126–130; 21. С. 1–25]. Соглашаясь с этим наблюдением, не следует, однако, переоценивать значение данного феномена. На наш взгляд, популизм нельзя считать ни серьезным противовесом практикам постнеолиберальной правительности, ни частью самих этих практик, так как он, с одной стороны, не способствует созданию устойчивых общественно-политических институтов, способных противостоять деполитизации граждан в сколько-нибудь длительной перспективе, а с другой – не используется и как средство такой деполитизации. Скорее его можно отнести к явлениям переходного периода. Как признак переходного состояния можно рассматривать и отмечаемую рядом ученых [21. С. 1–25; 22. С. 61–78] архаизацию общественно-политических отношений, сопровождающую становление постнеолиберальной правительности.

Наиболее перспективной для истолкования новой нормальности представляется предложенная Дж. Агамбенем и разрабатываемая его последователями, в том числе российскими, концепция деполитизации гражданства и

полицеизации государства. По справедливому замечанию А.В. Яркеева, «современная глобальная политическая власть, руководствующаяся принципом безопасности, трансформируется в полицию, которая обретает собственный суверенитет» [23. С. 10; 24. С. 105]. Если это верно для международных отношений, то тем более верно для внутренней политики.

Агамбен, ссылаясь на формулу немецкого теоретика-полициста XVIII в. Иоганна Генриха Готлиба фон Юсти «полиция есть отношения Государства с самим собой», отмечает, что «полиция совпадает теперь с настоящей политической функцией, тогда как термин „политика“ отдан политике внешней» [4]. Формула фон Юсти как нельзя лучше характеризует ситуацию постнеолиберальной правительности: никаких других внутривластных акторов, кроме государства не должно остаться. Это конечно не точное описание наличного положения вещей, а лишь цель, предел, к которому стремится постнеолиберальная политическая (или правильнее уже говорить «полицейская»?) система. Ближе всего к достижению этого предела, пожалуй, не самые развитые (далее всех продвинувшиеся по пути идеологического постнеолиберализма), а посттоталитарные государства, такие как КНР, Россия и Белоруссия. Что касается стран «первого» и «третьего мира», то и те и другие несколько отстают на этом пути, хотя и по разным причинам. В «первом мире» пока еще сильно гражданское общество, сформировавшееся в эпоху модерна, и его структуры выполняют некоторые политические функции. В «третьем мире» также сильное общество, но иного типа – переходного от домодерного традиционного к современному гражданскому, основанное в значительной степени на традиционных связях – общинных, родственных, земляческих, родоплеменных и т.д.

В обоих случаях общественные силы могут до некоторой степени служить противовесом стремительно полицизирующемуся государству, но с одним очень существенным различием. Гражданское общество развитых стран, как сказано выше, само «впитывает» принципы постнеолиберальной правительности, становясь ее проводником чуть ли не впереди государства, тогда как полутрадиционное «недогражданское» общество стран «третьего мира» проявляет большую резистентность к этим принципам, что дает некоторые основания для осторожного оптимизма.

Дж. Агамбен для объяснения последствий деполитизации граждан предложил метафору раз-учреждающей власти – по аналогии с учредительной властью, формирующей новый или преобразующей уже существующий государственный строй (*destituent vs constituent power*) (4). Возникает вопрос, что именно разучреждается в этом случае? Это не государство, так как мы видим постоянное расширение его власти и увеличение имеющегося в распоряжении его аппарата арсенала средств воздействия на граждан. Скорее речь может идти о все большем отстранении верховной власти государственным аппаратом от принятия основополагающих политических решений [25. С. 176]. Таким образом, между учреждающей и раз-учреждающей властью обнаруживается зеркальная симметрия: если первая представляет собой проявление верховной власти, созидая государство, приводя политическую ситуацию из состояния исключения к норме, то во второй проявляется мощь государственного аппарата, превращающего чрезвычайное положение в новую норму [26. С. 11–21] и лишаящего суверена реальных полномочий, т.е. демонтирующего саму верховную власть. Как резюмирует Агамбен, «перед

лицом непрерывного состояния исключения правительство склонно принимать форму нескончаемого государственного переворота» [4] (как тут не вспомнить теорию перманентной революции Л.Д. Троцкого!). В результате правящая бюрократия становится де-факто суверенной, ведя текущее управление в режиме ультимативных решений (Решений в «шмиттовском» смысле см. [27. С. 62–76; 28. С. 36–48]). Это очень опасная тенденция в развитии государственности, чреватая новым тоталитаризмом.

Итак, новая нормальность, возникающая в результате оформления постнеолиберальной модели правительности, представляется довольно неуютным состоянием, далеким от тех гуманистических идеалов, к которым стремилось человечество эпохи модерна и достижение которых еще недавно могло казаться делом недалекого будущего. Существует ли реалистичная альтернатива глобальному торжеству постнеолиберальной правительности и если да, то какие общественные силы могли бы ее предложить?

Возможность направить развитие постдисциплинарного общества в позитивное русло некоторые авторы видят в выстраивании сознательными совместными усилиями людей «локальных моральных порядков» [29]. Однако всемирный характер постнеолиберальной правительности не оставляет возможности противостоять ей исключительно на уровне локальных коллективов. Что же касается проектов глобальной демократии [30. С. 10–25], то они представляются нереалистичными по той причине, что любой из них предполагает построение глобального же аппарата власти, который неизбежно окажется заведомо сильнее призванной сдерживать его демократии.

Развернутый план сопротивления наступлению всемирного Левиафана сформулировали М. Хардт и А. Негри [31]. В их представлении становящаяся глобальная система власти, которую они называют Империей, порождает столь же глобальную общность людей – Множество, включающее (по крайней мере потенциально) все человечество. Оно-то и должно, изобретая новые формы политической деятельности, защитить пространство свободы от всепроникающего контроля власти и стать противовесом Империи, а в конечном счете и ее могильщиком. Оптимизм этих авторов не кажется нам обоснованным, так как для того, чтобы оказывать эффективное сопротивление глобальной власти, Множество должно иметь собственную структуру, независимую от политической системы Империи, а Хардт и Негри не смогли убедительно показать, что это могла бы быть за структура и как она возникнет. И в теориях их предшественников, начиная с Б. Спинозы и Т. Гоббса, и в их собственной работе Множество предстает как нечто аморфное; переставая быть таковым, оно перестает быть Множеством, кристаллизуясь во что-то иное, например, в народ [32. С. 35–52; 33. Р. 228–249]. Но глобальный народ не может появиться вне глобального государства, которое в случае его возникновения немедленно придало бы новый импульс применению уже отработанных практик постнеолиберальной правительности на мировом уровне, что сделало бы любое сопротивление им неэффективным, если не невозможным.

Итак, приходится констатировать, что политическая теория пока не смогла найти реалистичного пути предотвращения негативного варианта будущего, связанного с утверждением постнеолиберальной правительности в глобальном масштабе, и соответствующее направление исследований останется актуальным в ближайшие годы.

Список источников

1. Фуко М. Интеллектуалы и власть. Ч. II. М. : Праксис, 2005.
2. Фуко М. Рождение биополитики : пер. с фр. СПб. : Наука, 2010. 448 с.
3. Зиновьев А.А. На пути к сверхобществу. М. : Центрполиграф, 2000.
4. Агамбен Дж. Государственная безопасность и демократия. К теории раз-учреждающей власти. Лекция, прочитанная в Афинах 16 ноября 2013 г. URL: http://s357a.blogspot.com/2014/02/blog-post_14.html#more
5. Журбина И.В. Неолиберальный тип демократии: стратегия «исключения» политического // Дискурс-Пи. 2022. Т. 19, № 3. С. 70–85. doi: 10.17506/18179568_2022_19_3_70
6. Рувинский Р.З. Правовые аспекты внедрения системы социального кредита в современное публичное управление. Н. Новгород : НИУ РАНХиГС, 2022.
7. Нерсесянц В.С. Философия права. М. : Норма, 1997.
8. Рувинский Р.З. Регулирование на основе данных: от верховенства права к публичным программам лояльности // Антиномии. 2023. Т. 23, вып. 1. С. 123–147. doi: 10.17506/26867206_2023_23_1_123
9. Филиппова Н.А. Постправовое государство: Российская конституционная реформа в региональном и глобальном конституционном процессе // Право и правоприменение в современной России : материалы Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием, Новосибирск, 24–26 сентября 2020 года. Новосибирск : Новосиб. нац. исслед. гос. ун-т, 2020. С. 100–104.
10. Попов Д.В. Управление жизнью: философско-антропологические основания, потенциал и перспективы биополитики: дис. ... д-ра филос. наук. Омск, 2023. 388 с.
11. Шемякин Я.Г. Модернизация как процесс межцивилизационного взаимодействия // Цивилизации. Вып. 10: Модернизация и цивилизационные вызовы XXI века. М. : Наука, 2015. С. 124–138.
12. Хардт М., Негри А. Империя. М. : Праксис, 2004. 440 с.
13. Свасьян К. ...но еще ночь. М., 2013. 448 с.
14. Davies W., Gane N. Post-Neoliberalism? An Introduction // Theory, Culture & Society. 2021. Vol. 38, № 6. P. 3–28. doi: 10.1177/02632764211036722
15. Laruffa F. Making Sense of (Post)Neoliberalism // Politics & Society. 2023. 0(0). doi: 10.1177/00323292231193805
16. Делёз Ж. Переговоры. 1972–1990 / пер. с фр. В.Ю. Быстрова. СПб. : Наука, 2004. 235 с.
17. Ehrenberg A. Weariness of the Self: Diagnosing the History of Depression in the Contemporary Age. McGill-Queen's University Press, 2010.
18. Crouch C. Post-Democracy After the Crises. Cambridge : Polity, 2020. 200 p.
19. Зубофф Ш. Эпоха надзорного капитализма. Битва за человеческое будущее на новых рубежах власти. М., 2022.
20. Зvoleв Н.П. Возвращение homo politicus в условиях неолиберальной правительности // Манускрипт. 2020. Т. 13, Вып. 8. С. 126–130. doi: 10.30853/manuscript.2020.8.22
21. Ерохов И.А. Постглобализация и политическая архаизация в России // Мировая политика. 2020. № 2. С. 1–25. doi: 10.25136/2409-8671.2020.2.33335
22. Давыдов Д.А. Посткапитализм как архаизация: институциональный дрейф к неофеодализму? // Антиномии. 2021. Т. 21, вып. 4. С. 61–78. doi: 10.17506/26867206_2021_21_4_61
23. Ярков А.В. Теологические основания современной власти: опыт деконструкции // Антиномии. 2021. Т. 21, вып. 1. С. 7–26. doi: 10.24412/2686-7206-2021-1-7-26
24. Агамбен Дж. Средства без цели. Заметки о политике. М. : Гилея, 2015. 148 с.
25. Костокрызов П.И. Верховная власть: «забытая» категория политической науки? // Политика. 2021. № 4. С. 163–182. doi: 10.30570/2078-5089-2021-103-4-163-182
26. Ярков А.В. Рождение чрезвычайного государства из духа вечности политического тела // Logos et Praxis. 2022. Т. 21, № 1. С. 11–21. doi: 10.15688/lp.jvolsu.2022.1.2
27. Костокрызов П.И. Децизионизм в России: дореволюционные предшественники и современные интерпретаторы Карла Шмитта. Ч. 1 // Научный журнал «Дискурс-Пи». 2021. № 1 (42). С. 62–76. doi: 10.24412/1817-9568-2021-1-62-76
28. Костокрызов П.И. Децизионизм в России: дореволюционные предшественники и современные интерпретаторы Карла Шмитта. Ч. 2 // Научный журнал «Дискурс-Пи». 2021. № 2 (43). С. 36–48. https://doi.org/10.17506/18179568_2021_18_2_36
29. Gaete-Silva J., Gaete A. Disruptive Behavior in the Postdisciplinary Society // Front. Psychol. 2021. Vol. 12. P. 740856. doi: 10.3389/fpsyg.2021.740856
30. Шавако Н.А. Основные модели глобальной демократии: теоретический анализ // Дискурс-Пи. 2023. Т. 20, № 3. С. 10–25. doi: 10.17506/18179568_2023_20_3_10

31. Хардт М., Негри А. Множество: война и демократия в эпоху империи. М. : Культурная революция, 2006.

32. Третьяк А.Р. Классовый проект multitude // Полития: Анализ. Хроника. Прогноз (Журнал политической философии и социологии политики). 2020. № 4 (99). С. 35–52. doi: 10.30570/2078-5089-2020-99-4-35-52

33. Sainz Pezonaga A. Where is Spinoza's Free Multitude Now? // Stasis. 2022. V. 12, № 1. P. 228–249.

References

1. Foucault, M. (2005) *Intellectualy i vlast'. Chast' II* [Intellectuals and Power. Part II]. Translated from French. Moscow: Praksis.

2. Foucault, M. (2010) *Rozhdenie biopolitiki* [The Birth of Biopolitics]. Translated from French. St. Petersburg: Nauka.

3. Zinoviev, A. (2000) *Na puti k sverkhobshchestvu* [Suprasociety Ahead]. Moscow: Tsentrpoligraf.

4. Agamben, G. (2013) *Gosudarstvennaya bezopasnost' i demokratiya. K teorii raz-uchrezhdayushchey vlasti. Lektsiya, pročitannaya v Afinakh 16 noyabrya 2013 g.* [State Security and Democracy. For a Theory of Destituent Power. Transcript of lecture delivered in Athens, November 16, 2013]. [Online] Available from: http://s357a.blogspot.com/2014/02/blog-post_14.html#more

5. Zhurbina, I.V. (2022) Neoliberal'nyy tip demokrati: strategiya “isklyucheniya” politicheskogo [Neoliberal Democracy: The Strategy of Excluding the Political Meaning]. *Discourse-P*. 19(3). pp. 70–85. DOI: 10.17506/18179568_2022_19_3_70

6. Ruvinsky, R.Z. (2022) *Pravovye aspekty vnedreniya sistemy sotsial'nogo kredita v sovremennoe publichnoe upravlenie* [Legal aspects of implementing the social credit system in modern public administration]. Nizhny Novgorod: National Research University RANEPA Press.

7. Nersesjanc, V.S. (1997) *Filosofiya prava*. [Philosophy of Law]. Moscow: Norma.

8. Ruvinskiy, R.Z. (2023) Data-Driven Regulation: From the Rule of Law to Public Loyalty Programs. *Antinomii*. 23(1). pp. 123–147. (In Russian). DOI: 10.17506/26867206_2023_23_1_123

9. Filippova, N.A. (2020) Postpravovoe gosudarstvo: Rossiyskaya konstitutsionnaya reforma v regional'nom i global'nom konstitutsionnom protsesse [Post-Rule-of-Law State: Russian Constitutional Reform in Regional and Global Constitutional Processes]. *Pravo i pravoprimenenie v sovremennoy Rossii* [Law and Law Enforcement in Modern Russia]. Proc. of the Conference. Novosibirsk, September 24–26, 2020. Novosibirsk: Novosibirsk National Research State University. pp. 100–104.

10. Popov, D.V. (2023) *Upravlenie zhizn'yu: filosofsko-antropologicheskie osnovaniya, potentsial i perspektivy biopolitiki* [Life management: philosophical and anthropological foundations, potential and prospects of biopolitics]. Philosophy Dr. Diss. Omsk.

11. Shemyakin, Ya.G. (2015) Modernizatsiya kak protsess mezhsivilizatsionnogo vzaimodeystviya [Modernization as a process of intercivilizational interaction]. In: *Tsivilizatsii* [Civilizations]. Vol. 10. Moscow: Nauka. p. 124–138.

12. Hardt, M. & Negri, A. (2000) *Empire*. Cambridge: Harvard University Press.

13. Svasyan, K. (2013) *...no escho noch'* [...but also the night]. Moscow: [s.n.].

14. Davies, W. & Gane, N. (2021) Post-Neoliberalism? An Introduction. *Theory, Culture & Society*. 38(6). pp. 3–28. DOI: 10.1177/02632764211036722

15. Laruffa, F. (2023) Making Sense of (Post)Neoliberalism. *Politics & Society*. 0(0). DOI: 10.1177/00323292231193805

16. Deleuze, G. (2004) *Peregovory. 1972–1990* [Negotiations. 1972–1990]. Translated from French by V.Yu. Bystrov. St. Petersburg: Nauka.

17. Ehrenberg, A. (2010) *Weariness of the Self: Diagnosing the History of Depression in the Contemporary Age*. McGill-Queen's University Press.

18. Crouch, C. (2020) *Post-Democracy After the Crises*. Cambridge: Polity.

19. Zuboff, S. (2019) *The Age of Surveillance Capitalism: The Fight for a Human Future at the New Frontier of Power*. London: Profile Books.

20. Zvolev, N.P. (2020) Vozvrashchenie homo politicus v usloviyakh neoliberal'noy pravitel'nosti [Return of homo politicus in the conditions of neoliberal governmentality]. *Manuskript*. 13(8). pp. 126–130. DOI: 10.30853/manuskript.2020.8.22

21. Erokhov, I.A. (2020) Postglobalizatsiya i politicheskaya arkhazatsiya v Rossii [Postglobalisation and political archaisation in Russia]. *Mirovaya politika*. 2. pp. 1–25. DOI: 10.25136/2409-8671.2020.2.33335

22. Davydov, D.A. (2021) Postkapitalizm kak arkhazatsiya: institutsional'nyy dreyf k neofeodalizmu? [Postcapitalism as archaisation: Institutional drift to neofeudalism?]. *Antinomii*. 21(4). pp. 61–78. DOI: 10.17506/26867206_2021_21_4_61
23. Jarkeev, A.V. (2021) Teologicheskie osnovaniya sovremennoy vlasti: opyt dekonstruktsii [Theological foundations of modern power: deconstruction]. *Antinomii*. 21(1). pp. 7–26. DOI: 10.24412/2686-7206-2021-1-7-26
24. Agamben, G. (2015) *Sredstva bez tseli. Zametki o politike* [Means without End: Notes on Politics]. Translated from Italian. Moscow: Gileya.
25. Kostogryzov, P.I. (2021a) Verkhovnaya vlast': "zabytaya" kategoriya politicheskoy nauki? [Supreme Power: A "Forgotten" Category of Political Science?]. *Politiya*. 4. pp. 163–182. DOI: 10.30570/2078-5089-2021-103-4-163-182
26. Yarkeev, A.V. (2022) Rozhdenie chrezvychaynogo gosudarstva iz dukha vechnosti politicheskogo tela [The Birth of the State of Exception Out of the Spirit of Eternity of the Political Body]. *Logos et Praxis*. 21(1). pp. 11–21. DOI: 10.15688/lp.jvolsu.2022.1.2
27. Kostogryzov, P.I. (2021b) Detsizionizm v Rossii: dorevolyutsionnye predshestvenniki i sovremennye interpretatory Karla Shmitta. Ch. 1 [Decisionism in Russia: Carl Schmitt's Pre-Revolutionary Precursors and Modern Interpreters. Part I]. *Diskurs-Pi*. 1(42). pp. 62–76. DOI: 10.24412/1817-9568-2021-1-62-76
28. Kostogryzov, P.I. (2021c) Detsizionizm v Rossii: dorevolyutsionnye predshestvenniki i sovremennye interpretatory Karla Shmitta. Ch. 2 [Decisionism in Russia: Carl Schmitt's Pre-Revolutionary Precursors and Modern Interpreters. Part II]. *Diskurs-Pi*. 2(43). pp. 36–48. DOI: 10.17506/18179568_2021_18_2_36
29. Gaete-Silva, J. & Gaete, A. (2021) Disruptive Behavior in the Postdisciplinary Society. *Front. Psychol*. 12. pp. 740856. DOI: 10.3389/fpsyg.2021.740856
30. Shaveko, N.A. (2023) Osnovnye modeli global'noy demokratii: teoreticheskiy analiz [Basic Models of Global Democracy: Theoretical Analysis]. *Diskurs-Pi*. 20(3). pp. 10–25. DOI: 10.17506/18179568_2023_20_3_10
31. Hardt, M. & Negri, A. (2004) *Multitude: War and Democracy in the Age of Empire*. New York: Penguin Press.
32. Tretyak, A.R. (2020) Klassovyy proekt multitude [Class project of multitude]. *Politiya: Analiz. Khronika. Prognoz (Zhurnal politicheskoy filosofii i sotsiologii politiki)*. 4(99). pp. 35–52. DOI: 10.30570/2078-5089-2020-99-4-35-52
33. Sainz Pezonaga, A. (2022) Where is Spinoza's Free Multitude Now? *Stasis*. 12(1). pp. 228–249.

Сведения об авторе:

Костогрызов П.И. – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела права Института философии и права Уральского отделения РАН (Екатеринбург, Россия). E-mail pkostogryzov@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Kostogryzov P.I. – Cand. Sci. (History), senior researcher, Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Yekaterinburg, Russian Federation). E-mail: pkostogryzov@yandex.ru, ORCID iD 0000-0002-9345-3900, ResearcherID: K-2794-2018; HZK-8786-2023

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 15.01.2025;
одобрена после рецензирования 02.04.2025; принята к публикации 17.04.2025
The article was submitted 15.01.2025;
approved after reviewing 02.04.2025; accepted for publication 17.04.2025